

**Андрей Платонов и Павел Крусанов: модернистское наследие
в постмодернистской прозе**

Нижник Анна Валерьевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

В начале XXI в. в русском литературном процессе продолжается переосмысление литературы предыдущих эпох. Постмодернистская традиция, сформировавшаяся к концу 1990-х гг., подразумевает использование различных явных и скрытых источников при создании художественного текста, а цитирование (на уровне языка, сюжета или проблематики) является обязательным элементом романа нового типа.

Павел Крусанов опирается на литературную традицию русского модернизма в целом и использует приемы, характерные для писателей 1920–1950-х гг., в частности, Платонова. Так, на основе обнаруженных нами сходжений можно говорить о генетико-типологических связях между романом Крусанова «Укус ангела» и «Чевенгуром» Платонова.

Крусанов пытается выполнить ту же задачу, которую ставил перед собой Платонов: смоделировать мир, который бы отражал не столько внешние события, сколько внутреннее бытие человека. Смесь полуреальности и полувымысла отличает обоих писателей, поэтому мифологическое бытие, «вторичная реальность» имеет все необходимые признаки «реального мира», однако яркие детали призваны подчеркнуть, что перед читателем художественный вымысел. Сходство «Укуса ангела» и «Чевенгура» проявляется на уровне пространственно-временной организации:

а) Псевдоисторическое пространство и псевдоисторическое время: «наступивший» коммунизм в вымышленном Чевенгуре и фантастическая Империя, в которой действует главный герой крусановского романа Иван Некитаев.

б) Внутреннее пространство личности: озеро Мутево как квинтэссенция всего детского, иррационального у Платонова, и озеро, на берегу которого умерла мать Ивана Некитаева, куда он все время возвращается.

в) Особые миры: мир неба-воды («глубина неба» у Платонова и верхняя, небесная вода у Крусанова), мир кажущегося небытия, мир мистического откровения, сна или смерти (умирающий от тифа Саша Дванов, героиня Крусанова Клюква, которая переживает опыт смерти, когда ее замуровывают живой в стену). Эти воображаемые миры замкнуты, не соприкасаются с миром реальным, и каждый из них выполняет собственную художественную функцию. Кроме того, для обнажения этой отдельной художественной функции в качестве главной семантической составляющей таких миров выбирается какой-либо из первоэлементов, например, вода, воздух, земля, смерть и пр. Таким образом обнажается архетипическая основа переживаний героев.

г) Сила чувственного контакта с миром благодаря соотнесению телесного, человеческого и объектов неживого мира («многоумный Одиссей ушел *под кожу мира*, в мифическое пространство», «всю дорогу Клюква *гнила в гумусе своих воспоминаний*»).

В качестве основы Крусанов выбирает условное время сильных исторических потрясений – установление абсолютной власти императора сродни установлению абсолютной власти коммунизма, и в обоих случаях время и пространство должны подчиниться замыслу человека («история в империи должна остановиться»). Тема абсурдности истории заостряется с помощью мотива бессмысленных блужданий героев по кругу (или мотива дурной бесконечности).

Сходство произведений двух авторов проявляется также на уровне сюжета. История главных героев романа «Укус ангела» повторяет рисунок судьбы братьев Двановых: мать Ивана Некитаева, вскрыв себе горло, умирает на берегу озера, превращается в рыбку – серебряную уклейку – и живет в озере, к которому сын иногда приходит мысленно

поговорить с ней. Отец Саши Дванова – рыбак, ушедший из-за странного «интереса к смерти» в озеро, и к этому озеру Мутеву герой Платонова стремится всю жизнь. Образу умершего родителя сопутствуют образы озера и живущей в нем рыбы.

Сходны также отношения героев в тех семьях, в которые они попадают после смерти родителей. Сводный брат Ивана помогает ему теоретически оправдывать тот новый мировой порядок, к которому Иван стремится. Аналогичную роль у Платонова выполняет Прошка Дванов, сводный брат Саши, который всегда готов объяснить с точки зрения марксистско-ленинской теории любой поступок или чувство коммуниста Чепурного. Возможно, принципы группировки персонажей и их сюжетная роль (брат-философ, умерший родитель) подсказаны Крусанову платоновским сюжетом.

Тема «всемирного сиротства», которая является одной из главных в творчестве Платонова, разворачивается у Крусанова. Народные массы, лишённые командующего, называются «*осиротевшим сбродом*», сиротство всегда остается невидимой помехой для абсолютного счастья у Ивана Некитаева («сердце жаждало битвы, но вместе с тем душа его была исполнена *сиротства*»).

Крусанов использует достижения языка Платонова. Речевые «ошибки», логические несоответствия, которые Ю.И. Левин [Левин: 392–419] считает характерными для стиля Платонова, присутствуют и в романе «Укус ангела»:

а) Неверно заполненная валентность слова (например, глагол + обстоятельство места): "Генерал повернулся к пустым дверям и крикнул в пространство".

б) Нарушение семантических норм: «Иван сидел на козлах рядом со стариком и, находясь в неомраченных чувствах, *хорошо думал* о жизни».

в) Алогизмы: «Я четвертую империю на три неравные половины», «министр войны был великий воин».

г) Научные термины, вкрапленные в художественное повествование: «Был старик изжелта–сед, худ и не то чтобы сутул, но такого *телесного устройства*, при котором голова у человека глухо всажена в самые плечи», «Пробитая солнечным светом, который не то волна, не то поле, не то сонм *корпускул*, прибрежная вода казалась рыжеватой».

Крусанов пользуется результатами художественных открытий 1920-х гг. XX века, причем «образцом для подражания» ему служит проза Платонова, а некоторые хорошо узнаваемые сюжеты (например, «сын рыбака – сын рыбы» или отношения двух сводных братьев) вообще могут служить элементами заимствования, служащими для создания «литературной игры», свойственной постмодернизму.

Литература

Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998.